

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ АНТИГЛОБАЛИЗМА

**В.В. Шляпников, кандидат философских наук, доцент.
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России**

Рассмотрена сущность антиглобализма как социально-политического движения. Проведен анализ основных теоретических концепций политической философии антиглобализма.

Ключевые слова: глобализм, транснациональные корпорации, антиглобализм

POLITICAL PHILOSOPHY OF ANTIGLOBALISM

V.V. Shlyapnikov. Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia

The article considers the essence of antiglobalism as a socio-political movement. Analyzed the basic theoretical concepts of political philosophy of antiglobalism.

Keywords: globalism, transnational corporations, antiglobalism

Антиглобализм представляет собой идеологию и практику социально-политического движения, важной составляющей которого является отказ Западу в праве считать своей исключительной прерогативой конструирование нового мироустройства. Участники антиглобалистского движения выступают не против глобализации как таковой, а против конкретной модели – глобализма, предполагающей создание общества, управляемого по единым правилам из мирового центра. Проблема глобализма и антиглобализма служит предметом дискуссий среди политиков, философов, ученых, подходы и оценки которых существенно отличаются друг от друга. Рассмотрим основные концепции политической философии антиглобализма.

«Доклад Лугано о сохранении капитализма в XXI веке» [1], опубликованный вице-президентом французской ассоциации АТТАС Сьюзан Джордж, сразу же стал сенсацией.

Эта книга представляет собой вымышленный отчет «экспертов» некой «мировой закулисы» об основных тенденциях развития мировой экономики и политики, а также о том, что должны предпринять деятели «глобализма», чтобы сохранить власть транснациональных корпораций. «Эксперты» дают советы, какой должна быть идеология «глобализма», к какой пропаганде должны прибегнуть работающие на транснациональные корпорации (ТНК) интеллектуалы и СМИ, чтобы в интеллектуальном, моральном, экономическом, политическом и психологическом плане оправдать устойчивую стратегию управления народонаселением.

Это комплексное исследование подробно доказывает, что капиталистическая система во всем хороша, а ее перспективы выглядят блестяще. Единственное, что мешает успешному функционированию нынешней, практически безупречной системы, – это люди, но не все, а так называемые «медленные люди» или неудачники, которые, впрочем, составляют большую часть человечества.

В приложении, уже от своего имени, С. Джордж пишет: «На вершине глобальной пирамиды находятся «быстрые люди» – владельцы капитала и высококвалифицированные профессионалы, которых Жак Аттали называет «элитными кочевниками», так как спрос на их услуги пересекает национальные границы, они могут ехать куда хотят и постоянно

находятся в передвижении. Под ними находится огромный пласт стационарных «медленных людей», основной общей характеристикой которых является их заменяемость, независимо от того, происходят ли замены по направлениям «Север-Север», «Север-Юг» или «Юг-Юг» [1, с. 270].

Джордж С. обращает внимание на то, что «защитники неолиберального порядка заверяют, что этот порядок в конце концов будет порождать гораздо больше победителей, чем неудачников, потому что экономический рост станет в один прекрасный день давать достаточно благ для всех и охватит всех своей щедростью. Все мы будем извлекать из него пользу» [1, с. 271]. Это утверждение постоянно появляется в литературе и «везде служит оправданием жестких мер, увольнений и вообще человеческого страдания, с тем, что все это будет «исправлено» когда-нибудь в светлом будущем» [1, с. 271].

Джордж С. называет это утверждение ложью и предполагает, что «сутью политики XXI в. не будет дележка пирога, как это было в последовавшую за Второй мировой войной эпоху государств всеобщего благосостояния; не будет все вращаться и вокруг того, кому, когда и как достанутся какие ресурсы, и даже вокруг того, кто и кому будет отдавать приказы» [1, с. 271]. По мнению С. Джордж, «стержнем политики будет смертельно серьезное дело: оставаться в живых... Если до сих пор существует такая вещь, как классовая борьба (а я полагаю, что она должна существовать, потому что ставки – выживание – столь высоки), она будет вестись между быстрыми и медленными, между мобильными и стационарными, между укорененными и кочующими» [1, с. 271].

Джордж С. отмечает, что «элитные кочевники» по определению находятся в привилегированном положении, чтобы выиграть эту классовую борьбу; вопрос для них сводится к тому, как это сделать.

Джордж С. уверена, «элитные кочевники» понимают, что «невозможно обеспечить и сытость волков и здоровье овец; невозможно иметь глобальную экономику, которая обогащает кучку людей больше, чем когда-либо в истории, которая неумолимо толкает богатство вверх по социальной лестнице и создает неудачников десятками миллионов, – невозможно иметь все это, да еще вдобавок девственно чистую окружающую среду и чистую совесть» [1, с. 272]. Отсюда вывод: «Если транснациональный бизнес не несет ответственности ни перед кем, кроме владельцев капитала, если правительства не могут обкладывать налогами исчезающие мобильные деньги и помогать выживать миллионам стационарных людей, тогда излишки этих людей должны быть каким-то образом устранимы...» [1, с. 272].

Речь идет уже не только о бразильских индейцах, американских бедняках и других экзотических группах. «Этот фактор уже наводит прицел на вас, на вашу семью, вашу профессиональную группу, вашу мелкую или среднюю фирму, ваших соседей, вашу естественную среду обитания» [1, с. 272]. Это касается всех.

По мнению С. Джордж, «транснациональный капитализм не может остановиться. С ТНК и свободными финансовыми потоками он достиг чего-то вроде злокачественной стадии развития, и теперь он будет продолжать пожирать и истреблять человеческие и природные ресурсы, даже губя при этом само тело – нашу планету, на которой он паразитирует» [1, с. 275]. «Мы стоим лицом к лицу с исключительно могущественными, непрозрачными, никому не подотчетными ТНК, а также с глобальными структурами управления, которые они создают для обслуживания собственных интересов» [1, с. 276]. Джордж С. называет это «транснациональной тиранией».

Какие же способы борьбы с этой «тиранией» предлагает С. Джордж? Она призывает к объединению всех, «кто готов сопротивляться всеми средствами, какие у них есть в распоряжении, и кто готов бороться за новую политику и за другой мир – не идеальный, но другой», необходимо «найти способы, чтобы остановить людей, которые не останавливаются ни перед чем», объединяться в «транснациональные союзы» для борьбы с «транснациональной тиранией» и предупреждает, что «время, которое «мы» должны взвалить на свои плечи..., есть не больше и не меньше, как изобретение международной

демократии» [1, с. 275, 276]. Выбор есть у всех и лучше выбрать мир, в котором «социальное или экономическое неравенство организовано таким образом, что оно служит наибольшему благу наименее привилегированных» [1, с. 284].

Книга Наоми Кляйн «NO LOGO. Люди против брэндов» [2] – одна из самых популярных книг на политические и социальные темы. Некоторые сравнивают ее с «Капиталом» Маркса, подразумевая, что автор сформулировала и подытожила взгляды нового поколения радикально настроенной молодежи. Этот манифест антиглобализма был воспринят многими, прежде всего, молодыми людьми, как настольная книга.

В центре этой книги – протест против тех форм корпоративного монополизма, которыми обернулся капитализм конца XX – начала XXI вв. Протест этот в книге обращен против циничной эксплуатации западными ТНК стран «третьего мира». Кроме того, Н. Кляйн на ряде ярких примеров показывает, как логотип или символ того или иного товара или фирмы, или торговой марки превращается в универсальный язык, понятный всем на свете, как такой символ используется для безжалостной манипуляции сознанием миллионов потребителей.

Во введении к своей книге Н. Кляйн отмечает, что «наш мир становится деревней, где несколько транснациональных корпораций не только не пытаются сделать условия игры равными для всех, создавая новые рабочие места и делая общедоступными новейшие технологии, а, напротив, эксплуатируют беднейшие страны, извлекая из этих Богом забытых уголков планеты невообразимые прибыли» [2, с. 15–16]. Свою книгу она называет попыткой «уловить антикорпоративные настроения, возникающие у многих молодых общественных активистов» [2, с. 17] и строит ее на простой гипотезе: «по мере того как все больше и больше людей будет открывать секреты товаров, выпускаемых под известными марками в глобальной паутине брэндов, их возмущение будет подливать масла в огонь следующего крупного политического течения, могучей волны оппозиции, недвусмысленно целящей в транснациональные корпорации, особенно в те, что ассоциируются с глобальными брэндами» [2, с. 17].

По мнению Н. Кляйн, ТНК, «пытаясь заключить нашу общую культуру в свои причесанные и управляемые коконы брэндов... сами породили волну протестов...» [2, с. 541]. «Триумф экономической глобализации вдохновил целое движение пытливых и технически грамотных активистов, мыслящих столь же глобально, как и преследуемые ими корпорации. Эта мощная форма общественной деятельности идет гораздо дальше традиционных профсоюзных методов борьбы. Участвуют в ней молодые и старые; это представители утомленных брэндингом начальных школ и университетских кампусов; это церковные группировки, владеющие крупными пакетами ценных бумаг, озабоченные тем, что корпорации ведут себя «греховно». Это родители, встревоженные раблепной преданностью своих детей кланам, поклоняющимся тому или иному брэндю, а также политически грамотная интеллигенция и социально-сознательные специалисты по маркетингу, которым качество жизни общества дороже повышения уровня продаж» [2, с. 409].

Кляйн Н. пришла к выводу, что нельзя все поправить, «стоит лишь сделать международные институты, такие, как ВТО, более демократичными и подотчетными обществу» [2, с. 559]. Она считает, что «враждебность по отношению к глобальным общественным институтам – лишь симптом более широкого кризиса «представительной» демократии, той самой, при которой власть и принятие решений поручается людям, все дальше и дальше отстоящим от мест, где последствия их решений реально ощутимы. По мере своего упрочения единая на все случаи жизни логика ведет к усреднению политических и культурных альтернатив и одновременно к распространению гражданского паралича и политической безучастности» [2, с. 559].

Альтернативу Н. Кляйн видит в следующем: «Когда централизация власти и дистанцированное принятие решений начинают восприниматься как общий враг, то одновременно появляется и согласие в том, что альтернативы этому возможны и что строить их следует на основе демократии с участием масс на местном уровне – будь

то профсоюзы, объединения совместно проживающих людей, городские правительства, фермы, деревни, самоуправление в рамках отдельных народностей и коренного населения. Общий лейтмотив – всеобъемлющая приверженность принципам самоопределения и поддержки многообразия – многообразия культурного, экологического и даже политического... Похоже, что естественным путем зарождается не движение за единое глобальное правительство, а видение все более тесно связанной международной сети настоящих местных инициатив, каждая из которых строится на отвоеванных общественных пространствах и, благодаря участию масс в демократическом процессе, делается более подотчетной обществу, чем и корпорации, и государственные учреждения. Если у этого движения и есть идеология, то это демократия, осуществляемая не только на избирательных участках, но вплетенная в ткань всей нашей жизни» [2, с. 559].

В другой книге Н. Кляйн «Заборы и окна: Хроники антиглобализационного движения» [3] собраны репортажи, статьи и выступления, в которых она рассказывает о развитии этого движения. Она настаивает на необходимости создания политического дискурса, не боящегося многообразия и не стремящегося подогнать любое политическое движение под единую модель: «Неолиберальная экономика на всех уровнях склоняется к централизации, консолидации, гомогенизации. Это война против многообразия. Чтобы противостоять ей, нам нужно движение, которое бы поощряло и яростно защищало право на многообразие: культурное, экологическое, сельскохозяйственное – и, да, политическое тоже, на разные способы заниматься политикой. Цель – добиться не лучших, но удаленных правил и правителей, а своей, близкой демократии на местах» [3, с. 293–294].

Книга «Империя» [4], являющаяся совместной работой американского литературоведа Майкла Хардта и известного итальянского политического философа Антонио Негри, представляет собой всеобъемлющий анализ нового мирового порядка глобализации. По мнению авторов, наилучшим инструментом для его понимания является понятие «Империи», означающее универсальный порядок, не знающий границ и пределов. Анализируя механизмы эксплуатации и контроля, управляющие сегодняшним миром, авторы стремятся предложить альтернативную парадигму политического мышления, которая могла бы стать основой подлинно демократического глобального общества.

Одним из важнейших признаков становления Империи М. Хардт и А. Негри считают «слабеющий суверенитет национальных государств и их возрастающую неспособность к регулированию экономических и культурных обменов» [4, с. 12]. Их основная гипотеза состоит в том, «что суверенитет принял новую форму, образованную рядом национальных и наднациональных органов, объединенных единой логикой управления. Эта новая глобальная форма суверенитета и является тем, что мы называем Империей» [4, с. 11–12].

Хардт М. и Негри А. отмечают, что в противоположность империализму Империя не создает территориальный центр власти и не опирается на жестко закрепленные границы или преграды. «Это – децентрированный и детерриториализованный, то есть *лишенный центра и привязки к определенной территории*, аппарат управления, который постепенно включает все глобальное пространство в свои открытые и расширяющиеся границы. Империя управляет смешанными, гибридными идентичностями, гибкими иерархиями и множественными обменов посредством модулирования командных сетей. Различные национальные цвета на карте мира времен традиционного империализма размываются и сливаются в радуугу глобальной империи» [4, с. 12].

Переустройство уже ставшего привычным деления мира на первый, второй и третий миры и складывание однородного мира М. Хардт и А. Негри связывают с изменениями в рамках капиталистического способа производства. «Создание путей движения и ограничений для... новых глобальных потоков сопровождается изменениями самих важнейших производственных процессов, в результате чего роль промышленной рабочей силы снижается, и главенство отдается рабочей силе, ориентированной на межперсональную кооперацию. При переходе к постсовременной глобальной экономике создание богатства более чем когда-либо имеет результатом то, что мы называем биополитическим

производством, производством самой общественной жизни, когда политическая, экономическая и культурная сферы все более совпадают друг с другом и становятся взаимопроникающими» [4, с. 13].

Идею Империи М. Хардт и А. Негри определяют следующим образом: «Идея Империи определяется, прежде всего, отсутствием границ: ее владычество не знает пределов. Первое и самое главное в концепции Империи – это утверждение системы пространственной всеобщности, то есть по сути, власти над всем «цивилизованным» миром. Никакие территориальные границы не ставят пределов этой власти. Второе – сама идея Империи предстает не как способ правления, исторически восходящий к завоеванию, но скорее как порядок, который на деле исключает ход истории и таким образом навсегда закрепляет существующее положение вещей. С точки зрения Империи, нынешнее положение вещей будет существовать всегда и ему всегда было предназначено быть таким. Иначе говоря, Империя представляет свое владычество не как преходящий момент в движении истории, а как способ правления вне каких бы то ни было временных рамок и в этом смысле – вне истории либо как конец истории. Третье – владычество Империи распространяется на все уровни социального порядка, достигая самых глубин социального мира. Империя не только управляет территориями и населением, она создает тот мир, в котором живет. Она не только регулирует отношения между людьми, но также стремится к непосредственному овладению человеческой природой. Объектом ее контроля является общественная жизнь в ее целостности, и, таким образом, Империя представляет собой совершенную форму биовласти. Наконец, хотя на практике Империя всегда залита кровью, ее идея неизменно обращена к миру, вечному и всеобщему миру за пределами истории» [4, с. 14].

Переход к Империи и сопряженные с ним процессы глобализации, по мнению авторов книги, предоставляют новые возможности для сил освобождения. Свою политическую задачу они видят не только в том, чтобы противостоять процессам становления Империи, но и в том, чтобы преобразовать и перенаправить к новым целям. Созидательные силы масс «способны самостоятельно создать контр-Империю – альтернативную политическую организацию глобальных потоков и обменов» [4, с. 15]. Борьба за соперничество с Империей и за ее свержение настолько, насколько такая борьба создает реальную альтернативу, будет вестись на территории самой Империи. «В действительности такая борьба уже началась. Благодаря ей, как и многим другим видам протеста, массы смогут создать новые формы демократии и новые созидательные силы, которые в один прекрасный день выведут нас по ту сторону Империи» [4, с. 15]. Силы, противостоящие Империи и готовые служить прообразом альтернативного глобального сообщества, также как и власть нынешней Империи, не ограничены каким-либо регионом. По мнению А. Хардта и А. Негри, география этих альтернативных сил «уже пишется сегодня сопротивлением, борьбой и желаниями масс» [4, с. 15].

Глава книги «Массы против Империи» посвящена поиску ответов на вопрос: как массы могут стать политическим субъектом в условиях Империи, как действия масс могут стать политическими? «Единственный ответ, который мы можем дать, – пишут М. Хардт и А. Негри, – действие масс становится политическим, прежде всего, в том случае, когда оно непосредственно и осознанно направлено против ключевых репрессивных операций Империи. Это вопрос распознавания возможных действий и сопротивления им, чтобы не позволить Империи устанавливать свой порядок снова и снова; это вопрос пересечения и разрушения барьеров и разделительных линий, навязанных новой коллективной рабочей силе; это вопрос собирания воедино опыта сопротивления, чтобы обратить его против нервных центров имперского господства» [4, с. 368].

Какие же специфические и конкретные практики могли бы дать жизнь этому политическому проекту? М. Хардт и А. Негри называют следующие:

– *глобальное гражданство* – первый элемент политической программы глобальных масс, первое политическое требование. «Массы должны сами решать, куда, когда и зачем им передвигаться. Они также должны иметь право не быть вовлеченными в процессы

перемещения и жить там, где они жили, а не быть принуждаемы к постоянным скитаниям. *Всеобщее право контролировать собственное перемещение – есть, в конечном счете, требование массыми глобального гражданства.* Это требование является радикальным постольку, поскольку оно бросает вызов важнейшему инструменту имперского контроля над производством и жизнью масс. Глобальное гражданство – это способность масс заново обрести контроль над пространством...» [4, с. 369];

– *социальная заработная плата и гарантированный доход для всех* – второе программное политическое требование масс. «Требование социальной заработной платы распространяется на население в целом и является требованием того, чтобы все виды деятельности, необходимой для производства капитала, были признаны и соответствующим образом оплачены посредством социальной заработной платы в форме гарантированного дохода. Поскольку гражданство распространяется на всех, то этот гарантированный доход следует считать гражданским доходом, который причитается каждому как члену общества» [4, с. 371];

– *право на репроприацию* – третье политическое требование масс. «Право на репроприацию – это, прежде всего, право на обретение заново средств производства... Массы не просто используют в производстве машины, но и сами все прочнее соединяются с машинами по мере того, как средства производства во все большей мере интегрируются в умы и тела масс. В этих условиях репроприация означает свободный доступ и контроль над знанием, информацией, коммуникацией и аффектами – поскольку именно они являются основными средствами... производства... Право на репроприацию – это, по сути, право масс самостоятельно себя контролировать и производить» [4, с. 374].

Ноам Хомский – всемирно известный политический деятель, писатель и профессор лингвистики в Массачусетском технологическом институте, автор множества книг и статей, посвященных лингвистике, политической и экономической жизни современного мира, а также международным отношениям. Во многих своих работах Н. Хомский подвергает развернутой критике неолиберализм – корпоративную систему экономики и политику, развязавшую сегодня под флагом «глобализации» классовую войну против народов мира. Он обличает деятельность транснациональных сил, ограничивающих инициативу простых людей и проводящих политику, которая способствует накоплению богатств в руках частных собственников при полном пренебрежении к социальным и экологическим последствиям их деятельности. Он пишет: «Существует много факторов, влекущих глобальное общество в будущее с низкой зарплатой, медленным развитием и высокими прибылями, с растущей поляризацией и социальной дезинтеграцией. Другое последствие процесса корпоративной глобализации – это увядание осмысленных демократических процессов принятия решений, ибо принятие решений передается частным организациям и срастающимся с ними квазиправительственным структурам...» [5, с. 189].

Размышления Н. Хомского вселяют чувство надежды на то, что социальная инициатива в состоянии восстановить права человека как гражданина, а не как потребителя, для которого демократия – это глобальное движение к более справедливо устроенному миру, а не глобальный рынок: «Тот социально-экономический порядок, который сейчас насаждается – результат решений, которые принимаются людьми в институтах, ими созданных. Эти решения можно пересмотреть; институты – изменить. Если необходимо, то их можно ликвидировать и заменить другими, что и делали честные и мужественные люди на протяжении всей истории человечества» [6, с. 263].

К критикам политики глобализма принадлежит также выдающийся американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике за 2001 г. Джозеф Юджин Стиглиц, автор получившей широкое признание во всем мире книги «Глобализация: тревожные тенденции» [7].

«Сегодня глобализация не работает на бедных. Она не работает большей частью и на сохранение среды обитания. Она не работает на стабильность глобальной экономики», – отмечает Дж.Ю. Стиглиц. Но он не согласен с теми, кто призывает отказаться

от глобализации. Он считает, что это нереально и нежелательно. «Проблема не в глобализации, а в том, как она осуществляется» [7, с. 249].

«Оппозиция глобализации во многих странах мира, – пишет Дж.Ю. Стиглиц, – это не оппозиция глобализации как таковой: новым источникам финансовых средств для обеспечения экономического роста или новым экспортным рынкам, – но оппозиция определенному пакету доктрин..., навязанному миру международными финансовыми институтами. И это оппозиция не просто самой этой политике, а утверждению, что существует один-единственный набор политических мероприятий, безошибочно действующих во всех случаях жизни» [7, с. 256].

Свою книгу Дж.Ю. Стиглиц заключает следующим призывом: «Развитым странам нужно сделать свою часть работы по реформированию международных институтов, управляющих глобализацией. Мы создали эти институты, и мы должны работать над тем, чтобы их перестроить. Если мы хотим ответить на вполне обоснованную обеспокоенность тех, кто выражает разочарованность в глобализации, если мы хотим, чтобы глобализация работала на миллионы людей, на которые она сейчас не работает; если мы хотим иметь глобализацию с человеческим лицом, наши голоса должны зазвучать. Мы не можем, мы не должны безучастно стоять в стороне» [7, с. 290].

Таким образом, идеологи антиглобализма считают, что глобализация в ее нынешней форме не способствует повышению устойчивости международных отношений. Напротив, она оказалась своеобразным катализатором социально-политической напряженности и конфликтов на нашей планете. Поляризация богатства и бедности, борьба за рынки, за доступ к энергетическим и иным природным ресурсам, информационная и культурная экспансия Запада, воспринимаемая другими народами как угроза их культурной и цивилизационной идентичности, – все это служит питательной почвой для национального и религиозного фундаментализма и экстремизма, для этнического сепаратизма, ксенофобии и терроризма.

Антиглобалисты стремятся отыскать и реализовать альтернативу нынешней глобализации, стоят за иной тип мировых отношений. Неслучайно ключевыми лозунгами этого движения стали: «Мир не товар!» и «Другой мир возможен!».

Очевидно, что в настоящий момент мировое сообщество находится на очень ответственном рубеже. От выбора, который сделают политики, зависит будущее мира в ближайшие десятилетия. Поэтому крайне важным является философское осмысление социальной природы и политических приоритетов глобализации, а также идей и принципов, определяющих направления мирового развития.

Литература

1. Джордж С. Доклад Лугано о сохранении капитализма в XXI веке: пер. с англ. Д. Жутаева. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005.
2. Кляйн Н. NO LOGO. Люди против брэндов. М.: ООО Изд-во «Добрая книга», 2005.
3. Кляйн Н. Заборы и окна: Хроники антиглобализационного движения: пер. с англ. М.: ООО Изд-во «Добрая книга», 2005.
4. Хардт М., Негри А. Империя: пер. с англ. / под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. М.: Праксис, 2004.
5. Хомский Н. Прибыль на людях: пер. с англ. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2002.
6. Хомский Н. Государства-изгои. Право сильного в мировой политике: пер. с англ. М.: Логос, 2003.
7. Стиглиц Дж.Ю. Глобализация: тревожные тенденции: пер. с англ. и примеч. Г.Г. Пирогова. М.: Мысль, 2003.